УДК 32.323

ПАРАДОКСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ершов Юрий Геннадьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ers@uapa.ru

Аннотация
В статье рассматриваются противоречия между идеологией либерализма и практической идеологией государственной власти в России. Определяются причины срыва либеральных реформ.

Ключевые понятия:
идеология, модернизация, современность, либерализм.

Жить бездумно и бесцельно свойственно многим людям, несмотря на все старания показать им ошибочность такого поведения. С народами и государствами все гораздо сложнее – не беспокоясь о своем будущем, они рискуют его потерять, и вообще выпасть из современности.

Приобщиться к современности без выбора целей и идеалов, к которым нужно стремиться или отвергать, невозможно. Отказ от проекта будущего, задающего траекторию развития к более высокому уровню цивилизации, чреват для государства и общества выпадением из современности.

Время истории, все его метрические свойства (темп, ритм и т.д.), все его модусы (прошлое, настоящее, будущее) создаются самой человеческой деятельностью. Социально-историческое время вариативно, альтернативно, вероятностно, в нем возникают и длятся тупики, застои, происходят прорывы и провалы. Поэтому в одном календарно – астрономическом времени сталкиваются, взаимодействуют общества и государства из разных исторических эпох. «Машина времени», созданная самой историей, позволяет легко перейти из настоящего в прошлое или будущее в неизменном физическом пространстве. Она может переместить в культуру, изменившуюся внешне и оставшуюся прежней внутри; она может причудливо соединить историческую архаику, настоящее и будущее; наконец, с ее помощью можно встретить маргинальные реликты, выпадающие из всякого исторического времени.

Но чем быстрее становится темп изменений, тем настоятельнее становится необходимость рационализации форм социального контроля и управления, приведения их в соответствии с задачами общественного развития – «суть любого общества, в том числе и индустриального, определяется характерными и адекватными его скоростям формами социальной интеграции, контроля и управления. И исчерпывает оно себя на том этапе, когда эти формы начинают все более отставать от темпов развития общественных процессов и, тем самым, утрачивают способность контролировать и поддерживать жизнедеятельность общественной системы» [2, с. 45].

Ускорение всемирной истории сегодня стало наглядной очевидностью. Соответственно, значительно возросла цена отставания, отбрасывания на обочину истории, в несовременность. Самый верный способ остаться вне времени – забыть о нем. Именно поэтому постсоветское общество оказалось уязвимым в самом главном пункте модернизации – способности своевременно решать все более сложные задачи преобразования основных сфер общества.

Перспективы модернизации постсоветских режимов сегодня оцениваются с осторожностью, прежде популярное понятие «транзита» потеряло методологический и эвристический смысл, поскольку для большинства сложившихся режимов главным стало самосохранение новых элит. Правящие классы в стремлении законсервировать существующее положение под лозунгом «стабильности» взяли под контроль все ветви власти, превратили и законодательную, и судебную власть в придатки исполнительной власти, контроль крупной собственности дополнился отчетливым стремлением взять под контроль и духовно-идеологические процессы.

Постсоветский политико-правовой режим не справился с задачей институционализации нового социально-экономического и политического порядка. Первоначальная попытка сделать это радикально быстрыми темпами подтвердила историческую закономерность – обрыв социокультурной преемственности навязыванием «сверху» норм, ценностей и институтов, возникших на иной культурно-цивилизационной основе, неотвратимо восстанавливает архаику прошлого, противоположную по отношению к декларируемым целям и критериям современности. Институциональная система России в формально-правовом (конституционном) смысле вполне современна. Фактически в ней доминируют традиционные, неформальные, корпоративно-бюрократические правила.

Консолидация федеральной, региональных и местных элит привычной «вертикалью» власти, создав политическую стабильность, достаточно быстро привела к консервации институциональной неразвитости общества и государства, политической апатии населения. «Неразвитость» прежде всего относится к фактическому отсутствию разделения властей и парламентаризма, несамостоятельности политических партий и избирательной системы, сопряжена с неспособностью к достижению в политике компромиссов, закулисными интригами и сделками.

Сложилось и углубляется противоречие между либерально-демократической Конституцией, позволяющей, пусть и формально, апеллировать к ее ценностям, и неофициальной, практической идеологией власти. Последняя отличается размытостью своей программатики, противоречива и иррациональна, эклектически соединяя Великую Победу и «власовский» триколор, православную империю и атеистический Советский Союз, «братство народов свободных» и «фиктивный» федерализм и т.д. по весьма обширному списку. Но, оказывается, в подобной эклектике скрыт особый смысл. Ее достоинство – в гибкости и пластичности воздействия на массовое сознание, она может одновременно быть и антилиберальной, и антикоммунистической, и консервативной, и революционной, и националистической и интернационалистской – в зависимости от ситуации применения и прагматических целей. Противоречивость и иррациональность оборачиваются залогом эффективности действия и массовой поддержки во всех слоях населения. Непоследовательность, примитивизация идей успешна в пассивных, маргинальных, аутсайдерских слоях, не воспринимающих рациональные аргументы и рассуждения. Способность видеть в этих идеях противоречия, нестыковки, демагогию и т.п. служит критерием идейного размежевания – отнесения к врагам «интеллигентов и либералов». Циничное использование прокладывает путь во властную элиту.

Властвующая элита, приближенные к власти корпоративные кланы постепенно формируют так называемый «новый деспотизм», сохраняющий официальные декларации либеральной демократии, но выхолащивающий гражданское волеизъявление. Современные коммуникативные технологии «дробят» общество, устраняя почву для социальных и политических институтов и ассоциаций в их функциях

медиации. Создание условий и факторов действительных преобразований не просто значительно выходят за пределы режимных ограничений, они принципиально противоречат идеям и принципам правового государства и гражданского общества.

Либеральная идеология в скрытом виде существует для внутреннего потребления правящим классом – в силу его способности властью и собственностью обеспечить свои права и свободы. Либерализм годится для оправдания привилегированного положения властеуправляющих слоев. Для массового потребления в СМИ и пропаганде, политических лозунгах и программах делается акцент на приоритете человека труда, социальной справедливости, народности, православии, Великой Победе. Массе инъецируются ксенофобские лозунги, психология «осажденной крепости», призванные «скрепить» ее с государственной властью.

Одна из начальных иллюзий перестроечной модернизации в России состояла в некритическом повторении догм «народолюбства» – демократия отсутствует как прямое следствие авторитарного режима. Либеральные проекты экономических и прочих реформ неявно исходили из убеждения о достаточном человеческом потенциале радикальных перемен – личной инициативы, ответственности, готовности к напряженной работе, отстаиванию своих прав и т.д. Но любые грандиозные проекты, игнорирующие повседневность и не содержащие механизмов воплощения в жизнь новых институтов, норм и ценностей, закономерно обречены на провал.

Как прозорливо отмечал А.С. Ахиезер: «Абстрактность идеалов перестройки проявила себя, прежде всего, в резком разрыве между ростом духовной активности и отсутствием соответствующих сдвигов в социальных отношениях. Эта абстрактность была непосредственно унаследована не только от прежних правителей, но и от диссидентов, которые не были достаточно озабочены превращением своих нравственных представлений в достаточно глубокие системы социальных, экономических и т.д. интерпретаций. Идеи перестройки при всей своей радикальности опирались на уже давно накопленное русской интеллигенцией культурное богатство, прежде всего на основное заблуждение интеллигенции, на веру в народ – тотем, что его освобождение от внешнего давления, от антитотема приведет к спонтанному восстановлению самореализации идеала народной жизни» [1. С. 262].

Казалось, что рыночное общество одерживает победу в современной России, воплощая в жизнь ценности развитого утилитаризма: стремление к росту производства, способность связывать материальное благополучие с личным трудовым вкладом и т.д. Они, в свою очередь, готовят почву для ценностей либерализма: идеалов свободы, законности, диалога и компромисса. Но, насытив потребительский рынок, открыв границы, сняв морально-политическую цензуру, отечественный псевдо-либерализм обрек значительную часть общества на нищету, сохранил сырьевой характер экономики, разрушил гуманитарную сферу, создал всевластие чиновничества. Оказалось, что массы, нацеленные преимущественно на адаптацию к модернизированному порядку, сулящему повышение уровня жизни, не готово к изменениям, зависящим от личной предприимчивости и личностного роста. Диалог власти и общества оказался ненужным ни власти, ни значительной части общества. Социологи, отмечая значительный рост поддержки российской власти разного уровня, предлагают не делать категорических выводов относительно такого единодушия. Во-первых, на общественное мнение колоссальное влияние оказывают СМИ, во-вторых, может действовать и так называемая «спираль молчания» – боязнь индивидов оказаться в изоляции [3, С. 49], особенно в контексте российско-украинских отношений и бешеной критики либерализма, породившей ярлыки «пятой колонны» и «национал-предателей».

Отечественные модернизации, инициируемые «революциями сверху», сопровождаются защитной реакцией самосохранения правящего класса, претензиями на великодержавность в геополитическом пространстве и т.п. Итогом становится воспроизводство матриц этатизма и государственного патернализма в границах

циклической схемы: «кризис» – «либеральные реформы» – «консервативные контрреформы». Первоначальные достижения модернизации вносят известные необратимые изменения прогрессивного свойства, но последующий откат восстанавливает в новых формах вполне традиционное содержание. Циклизм производится тем, что первоначальный импульс к изменениям не приводит к созданию *институтов самомодернизации,* сначала отдельных социальных групп, затем общества в целом, а их эмбриональные формы достаточно быстро ликвидируются в период контрреформы. Трансплантация либеральных ценностей обществу, во многом уже утратившему культурную традиционность, но не освоившему азбуку либерализма, как показывает мировая история, вызывает отторжение культурных оснований модернизации – свободы, ответственности, прав человека и прав собственности, как условия вхождения в пространство цивилизации и дальнейшего инновационного развития [4, с. 62]. Либеральные ценности и либеральные идеалы мошеннически сводятся к гей-парадам и однополым бракам, на деле отвергаются базовые для действительных реформ ценности просвещения, образования, науки, личности. Не умея, а скорее не желая переходить к иным, более сложным способам управления, российская власть из кризиса выходит укреплением «вертикали» власти. Тем самым государство разрушает источники инициативы и самодеятельности гражданского общества, порождая избыточность регулирования всей системы общественных отношений.

Как отмечает А.Н. Олейник, «лексикон, определяющий множество вариантов использования власти в российском институциональном контексте, включает в себя, как минимум, следующие понятия: верховная власть, государство, самовластие и самодержавие» [5, с. 53]. В этом «лексиконе» верховная власть независима от какой – либо внешней по отношению к ней инстанции, от каких-либо высших принципов, в том числе от разделения властей. Противодействуя любым альтернативам, любой независимости, она воспроизводит единоначалие на всех уровнях иерархии управления. Стремясь к безграничным полномочиям, верховная власть с легкостью использует насильственные средства навязывания воли, без приобретения обязанностей по отношению к объектам власти. Подобная власть не нуждается в действительной обратной связи с обществом, если таковой не считать жалобы и доносы населения, позволяющие копить компромат на чиновников в карьерно-бюрократических целях.

В современной России все ветви власти субординированы верховной властью, действуя в соответствии с математической логикой – по мере стремления власти к своей максимальной неподконтрольности она становится все менее эффективной. Подчинение общества государству неизбежно ведет к возникновению полицейского государства (с достаточно широким диапазоном границ репрессивного контроля). Оправившись от растерянности в период перестроечного подъема активности советского «среднего класса» под лозунгами либеральной демократии, бывшая номенклатура талантливо приспособила эти лозунги для грабительского раздела бывшей «общенародной собственности». Сами лозунги понимались их творцами скорее символически – в их антикоммунистической и антисоветской направленности, они закономерно имели абстрактный, плохо согласующийся с реалиями, характер.

Как и прежде в российской истории, реформирование по либеральным лекалам оказалось поверхностным. Нельзя сказать, что оно вообще не изменило традиционного уклада жизни, но, во-первых, оно коснулось преимущественно столичных городов (федерации и ее субъектов). Во-вторых, возникло и развивается крайне негативное отношение к идеологии либерализма, обвиняемой массовым сознанием в разрушительных последствиях реформ. В-третьих, и это самое главное, не изменился характер взаимосвязи власти и собственности – все патримональные режимы традиционны в отсутствии или чисто номинальной границе между властью и собственностью. Ни церковь, ни право и закон, ни тем более общественное мнение не ограничивают верховную власть в стремлении к всеохватному контролю над обществом.

Социальная стабильность всегда была одной из высших ценностей, но

есть принципиальная разница между надежностью, предсказуемостью институтов общества, обеспечивающих динамичное развитие усилиями свободных людей, и застойной стабилизацией, симптомами которой является подмена проекта будущего обращением к архаичным истокам и традициям, подавление гражданской активности и инициативы.

Безусловно, прошлому нужно хранить верность – без него не может быть будущего. Но в прошлом немало миражей и фантомов, обрекающих на движение спиной вперед. Только органичное единство ценностей либерализма и патриотизма откроет Россию миру и мир России.

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М., 1991. 377 с.

2. Глинчикова, А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. N 9. С. 36–53.

3. Зырянов, С.Г., Зырянова, В.М. Экономические и политические факторы формирования общественного мнения в условиях кризиса (на примере города Челябинска) // Социум и власть. 2015. N 1. С. 41–50.

4. Михайленко, В.И. Тоталитарный соблазн России // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Екатеринбург, 2003. С. 61–75.

5. Олейник, А.Н. Преемственность и изменчивость превалирующей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // Общественные науки и современность. 2011. N 1. С. 52–66.

References

1. Akhiyezer, A.S. (1991) Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. II. M., 377.

2. Glinchikova, A.G. (2001) Kapitalizm, sotsializm, industrial'noye obshchestvo – k voprosu o sootnoshenii ponyatiy // Voprosy filosofii, N 9, 36–53.

3. Zyryanov, S.G., Zyryanova, V.M. (2015) Ekonomicheskiye i politicheskiye faktory formirovaniya obshchestvennogo mneniya v usloviyakh krizisa (na primere goroda Chelyabinska) // Sotsium i vlast, N 1, 41–50.

4. Mikhaylenko, V.I. (2003) Totalitarnyy soblazn Rossii // Sud'ba Rossii: natsional'naya ideya i yeye istoricheskiye modifikatsii. Yekaterinburg, 61–75.

5. Oleynik, A.N. (2011) Preyemstvennost' i izmenchivost' prevaliruyushchey modeli vlasti: «effekt kolei» v rossiyskoy istorii // Obshchestvennyye nauki i sovremennost, N 1, 52–66.

UDC 32.323

PARADOXES OF THE IDEOLOGICAL PROCESS IN MODERN RUSSIA

Ershov Yuriy Gennadievich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Ural Institute of Management (Branch),
the Head
of the Department Chair
of Philosophy
and Political Science,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: ers@uapa.ru

Annotation
The article deals with the contradictions between liberal ideology and practical ideology of state power in Russia. It describes the causes of disruption of liberal reforms.

Key concepts:
ideology,
modernization,
modernity,
liberalism.